

В ПРЕДДВЕРИИ 90-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ ИМ. С.И. ВАВИЛОВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Яков Миронович Рабкин

заслуженный профессор истории
Монреальского университета,
Монреаль, Канада;
e-mail: yakov.rabkin@umontreal.ca

Надежда Алексеевна Ащеулова

кандидат социологических наук,
директор Санкт-Петербургского филиала
Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: asheulova_n@bk.ru

Интервью: К 50-летнему юбилею XIII Международного конгресса по истории науки (Москва, 18–24 августа 1971 г.)

УДК: 005.745(09)

DOI: 10.24412/2079-0910-2021-4-7-23

Известный историк науки Яков Миронович Рабкин в своем интервью, проведенном Надеждой Алексеевной Ащеуловой в октябре 2021 г., рассказывает о своей жизни, учебе в вузе, аспирантуре Института истории науки и техники АН СССР, зарубежной академической карьере, взаимоотношениях с коллегами, об исследовательских проектах. В интервью также освещается история XIII Международного конгресса по истории науки, организованного 18–24 августа 1971 г. в Москве Международным союзом истории и философии науки и технологий.

Ключевые слова: история и социология науки и техники, история СССР, XIII Международный конгресс по истории науки, Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Международный союз истории и философии науки и технологий.

Н.А. Ащеулова: Здравствуйте, уважаемый Яков Миронович! Очень вам благодарны за согласие поделиться с редакцией журнала «Социология науки и технологий» вашей персональной историей, связанной с учебой в аспирантуре Института истории естествознания и техники АН СССР и работой в рамках XIII Международного конгресса по истории науки (Москва, 18–24 августа 1971 г.). В 1969 г., в возрасте 24 лет, вы едете из Ленинграда в Москву поступать в аспирантуру нашего учреждения. А что предшествовало этому выбору? Расскажите, пожалуйста, о своем детстве, родителях, учебе в школе, вузе.

Я.М. Рабкин: Вырос я в Ленинграде, на Моховой улице. Мой старший брат меня с малых лет «в Летний сад гулять водил». И прочел мне там и, конечно, дома массу интересных книг, закладывая во мне гуманитарный фундамент. Воспитанная в романтическом духе мама очень любила балет и часто брала меня в театр. Сам я интересовался фотографией и все более открытым миром (я был в первом классе, когда умер Сталин). Поэтому я записался во Дворце пионеров в кружок фотографии и кружок английского языка.

После седьмого класса мой папа, человек весьма практичный, один из проектировщиков теплоснабжения в Ленинграде, определил меня в химико-механический техникум. В то же время я продолжал посещать занятия английским языком во Дворце пионеров, в рамках Клуба интернациональной дружбы. Клуб принимал группы туристов из США, Англии и Канады, и все мы могли таким образом практиковать английский и приобретать знания о мире. А туристов впечатляли не только наши познания, но и то, что совершенно бесплатно мы занимались в роскошных, буквально княжеских залах Аничкова дворца.

В начале третьего курса техникума мой товарищ по начальной школе Коля Губанов рассказал мне, что учиться в заочной школе, о существовании которой я и не подозревал (теперь на ее месте вторая сцена Мариинского театра). И я увидел в ней возможность получить аттестат зрелости и поступить в университет по какой-либо связанной с международными отношениями специальности.

Шел 1962 год, в мире, особенно в Африке, создавались новые государства, и я подал заявление в Ленинградский государственный университет (ЛГУ) на специальность «филология суахили». Все устные экзамены я сдал на отлично, но в сочинение прокралась описка: я написал «не было» слитно. На суахили конкурс был двадцать человек на место, и мне предложили пользовавшиеся меньшим спросом специальности. Так я оказался на отделении истории Турции, где прослушал вместе со студентами истфака полный курс исторических дисциплин, а также интенсивный курс турецкого языка. В начале второго курса нас стали также учить французскому, ибо, как нам объяснили, самые хорошие словари османского турецкого языка (т. е. использовавшего до реформ Ататюрка арабскую графику) — французские. Судьба распорядилась так, что именно на французском без малого полвека довелось преподавать в Монреале, а турецкий после десятилетий, казалось бы, полного забвения я теперь использую в семье: моя старшая дочь вышла замуж за уроженца Турции, чьи родители говорят по-турецки куда лучше, чем по-английски.

На втором курсе восточного факультета мне в руки попала книга Чарльза Сноу “The Two Cultures”. Автор — физик, писатель и в одно время министр науки — был обеспокоен отчужденностью мира гуманитарных наук от естествознания. Причем отчуждение это не обоюдное, ибо гуманитарии куда более невежественны в естествознании, чем физики, химики и биологи в литературе и музыке.

Книга произвела на меня сильное впечатление. Хотя учился я на восточном с интересом и хорошо, я решил перейти на химический. Для этого мне пришлось долго убеждать руководство химфака дать мне возможность сдать экстерном экзамены за первый курс. Благодаря приобретенным в техникуме знаниям экзамены я сдал и официально перешел на второй курс химфака. В то же время я продолжал посещать весьма серьезные занятия английским на восточном, а потом добавил к этому курс итальянского на филфаке. Французским я прозанимался всего год, но летом устроился работать гидом-переводчиком в «Интурист», где, до поры до времени скрывая, что знаю английский, работал с франкоязычными группами и довел язык до кондиции.

В конце третьего курса на химфаке объявили, что желающие могут подать заявление на участие в обмене студентами с кубинским Университетом Ориенте. Читатель уже не удивится, что среди подавших, естественно, был и я. В сентябре 1966 г. я уже летел на огромном Ту-118 на Кубу, где целый год проучился химии, а также испанской грамматике, курс, на котором я был единственным иностранцем. Знание французского и знакомство с итальянским позволило мне довольно быстро освоиться в испанском. А спустя пятнадцать лет я женился на мексиканке, так что этот язык мне пришлось использовать в повседневной жизни более трех десятилетий. Вернувшись в Ленинград, я продолжил занятия на химфаке, сделал дипломную работу под руководством проф. Бориса Вениаминовича Иоффе и получил диплом по органической химии. Дальше мне виделась аспирантура, и я поехал в Москву, в Химико-технологический институт им. Д.И. Менделеева. Поговорив с преподавателями и аспирантами Менделеевки, решил подавать туда документы и для их подготовки вернулся в Ленинград.

Н.А. Ащеулова: Как интересно, Яков Миронович, как же вы тогда оказались в аспирантуре Института истории естествознания и техники АН СССР (ИИЕТ АН СССР)?

Я.М. Рабкин: Благодаря учителям, конечно. Я сообщил о своем решении поступать в аспирантуру Химико-технологического института им. Д.И. Менделеева профессору Б.В. Иоффе. Борис Вениаминович, минуту помолчав, предложил с ним вместе обсудить мои планы. Он встретил меня в своем скромном, забитом книгами маленьком кабинете на химическом факультете ЛГУ и без предисловия приступил к делу: «Конечно, вы способны защитить диссертацию по химии, но ведь вас интересует столько всего разного. Почему бы не заняться историей науки, где вы могли бы применить и свои языки, и знание истории?» Примерно в то же время эту мысль подал мне мой приятель физик Володя Ганин.

Об истории науки как специальности я летом 1969 г. услышал впервые. Пришлось поспрашивать, почитать, и, в конце концов, я решил поехать в единственный в стране институт, где тогда существовала аспирантура такого профиля. Хотя Институт истории естествознания и техники имел филиал в Ленинграде, я хотел сменить обстановку и обратился в головной институт в Москве. Во время дружеской беседы с заместителем директора Семеном Романовичем Микулинским, на

которого произвели впечатление языки и опыт учебы на Кубе, я узнал, что, если поступлю в аспирантуру, диссертацию мне предложат делать по истории химии в США. Как потом выяснилось, тема эта была спущена в ИИЕТ из ГКНТ, Государственного комитета по научно-техническому развитию, в мандат которого входило изучение науки и научной политики развитых стран.

Все это мне показалось интересным еще и потому, что, как я надеялся, открывало возможность поездки в Америку. Я подал документы в аспирантуру, для поступления в которую надо было сдать вступительные экзамены по истории Коммунистической партии (КПСС) и иностранному языку. Поскольку Академия наук СССР была едина, сдавать экзамены можно было в любом ее филиале на территории страны. Первым надо было сдавать экзамен по иностранному языку. Тогда кафедра иностранных языков располагалась в непосредственном соседстве с Институтом истории естествознания, во флигеле за главным зданием академии.

В день экзамена я пришел пораньше и бодро осведомился у двух сидевших у входа на кафедру благородного вида пожилых дам, где сдают экзамен по английскому языку. «Сегодня у нас принимают французский, молодой человек», — с холодноватым укором ответила одна из них. «Хорошо, тогда я буду сдавать французский», — сказал я и увидел на лицах своих собеседниц смешанное выражение недоверия и восхищения. Они явно принадлежали к старой петербургской интеллигенции, в среде которой знание нескольких языков некогда никого не удивляло. Но за полвека после революции они от этого, похоже, отвыкли. Так что вступительный экзамен я сдал по французскому языку.

Экзамен по истории КПСС все поступающие в аспирантуру академии сдавали вместе. В просторном амфитетре сидела комиссия, мы заходили по очереди, тянули билет и садились готовиться. В то же время сидевшая внизу у доски комиссия выслушивала и расспрашивала тех, кто пришел раньше. До нас доходили лишь отзвуки, но слов слышно не было. Вдруг мы услышали плач, внизу забежали и вывели плачущую женщину в коридор. Потом заходили какие-то люди и, побеседовав с членами комиссии, удалялись. Следующей была моя очередь. Я складно рассказал о революции 1905 г. и готов был ответить на дополнительные вопросы по теме, но тут один из членов комиссии, мужчина средних лет, внимательно посмотрел на меня своими добрыми голубыми глазами и, расслабившись, как бы невзначай спросил, что я думаю о присутствии советских войск в Чехословакии. Игру эту я сразу понял и принял, посмотрел в его бездонные очи и спокойно пересказал, что пишет об этом газета «Правда». Он одобрительно улыбался, дослушал меня до конца и поздравил с успешной сдачей экзамена. В коридоре мне рассказали, что как раз до меня поступающей в аспирантуру талантливой лингвистке задали тот же вопрос. Только, в отличие от меня, она, не понимая, что ей расставили сети, искренне поделилась своим весьма критическим мнением. Таким образом, экзамен она провалила, а заходившие в аудиторию люди были видными языковедами, пытавшимися уговорить членов комиссии сменить гнев на милость и не «заваливать» многообещающего ученого. Не знаю, удалось ли им это.

Кстати, полагаю, что мое собственное мнение было куда более предосудительным, чем ее. Ведь для меня ввод советских войск в Чехословакию предыдущим летом стал поворотным моментом, после которого я потерял надежду на продолжение хрущевской оттепели и решил искать способ уехать из СССР. Я прекрасно понимал, что экзамен по истории КПСС прежде всего служит проверкой на благона-

дежность или, как это было в моем случае, на способность создавать впечатление благонадежности. К слову, я впервые узнал о вводе войск из английской службы «Би-би-си» и вообще не доверял советским источникам. Но знаком с ними был, что и позволило мне пройти эту политическую проверку и стать аспирантом Академии наук СССР. Такого рода игры мне были глубоко противны, и нежелание лицемерить «для пользы дела» было одной из причин решения уехать.

После эмиграции я к этим играм не только не возвращался, но и стал особенно нетерпим к политической цензуре, которая, как я узнал уже после отъезда, существует и за пределами СССР и иногда даже более эффективна, чем ее более откровенный и неуклюжий советский вариант. Несмотря на негласную цензуру и давление общественности, продолжаю высказывать свою точку зрения, даже если она вызывает негодование и споры. Например, мои работы по критике сионизма обрушили на меня шквал гнева и возмущения со стороны болельщиков Израиля, а на своем автоответчике я обнаружил даже угрозы жизни. Впрочем, мой университет, в отличие от многих других в С. Америке, принципиально защищает свободу слова своих профессоров, так что особого героизма моя позиция не требует. Так что вопрос о свободе слова не потерял для меня значения и после отъезда из Советского Союза. Свобода и независимость — весьма хрупкие ценности, а ведь любой человек, в том числе ученый, подвержен соблазну самоцензуры и соглашательства. Свободное общество создает ученому благоприятные условия работы и оберегает его от цензуры со стороны государства и влиятельных деловых кругов. Именно эта защищенность обязывает его задавать необычные и даже неудобные вопросы, искать не принятые в обществе связи между явлениями и социальными группами, другими словами, думать, говорить и писать независимо. В этом я вижу свое назначение преподавателя, ученого и гражданина.

Н.А. Ащеулова: Яков Миронович, а кто был вашим научным руководителем в аспирантуре ИИЕТ АН СССР? Как складывались отношения с ментором?

Я.М. Рабкин: В Москве моим научным руководителем стал Владимир Иванович Кузнецов, историк химии, в прошлом военный, осуществлявший после войны демонтаж и перевоз в СССР химических предприятий из советской зоны оккупации в Германии. Мягкий и приятный в общении человек, он давал мне советы методического свойства, а знания по истории американской нефтехимии я черпал в библиотеках сам. При этом я много читал работ и по науковедению, и по общей истории и социологии науки, стараясь восполнить отсутствие формальной подготовки в этих областях, на пересечении которых оказалось мое исследование.

Так я познакомился с принятыми на Западе методами социально-экономического и политического анализа в истории науки. Тем самым я как бы отошел от «интерналистской» истории научных идей и концепций, которой занимались многие мои коллеги в СССР. Например, целую главу в своей диссертации я посвятил роли научных приборов в развитии нефтехимии. Эту тему я позже развил, как оказалось, одним из первых, показав на примере использования инфракрасной спектроскопии в химии, сколь активную роль играет аппаратура в ориентации научных исследований. Я пришел к выводу о том, что применение научной аппаратуры отражает не только (и даже не столько) потребности ученых, сколько интересы производящих эту аппаратуру фирм. Показано это было на послевоенной истории инфракрасных спектрометров, которые вошли в обиход химических лабораторий в результате направленного на ученых маркетинга (летние школы, дар оборудования университет-

ским лабораториям и пр.). С тех пор аппаратура стала несравненно более дорогой, и такой подход к ее истории сегодня кажется вполне естественным и используется довольно широко. Таким образом, была выявлена еще одна сторона влияния промышленности на науку. Думаю, именно поэтому мою статью перепечатали спустя много лет в сборнике работ, положивших начало новым подходам к истории химии, и продолжают цитировать до настоящего времени [Rabkin, 1987].

Меня заинтересовала история Владимира Ипатьева, царского генерала и крупного химика-органика. Он сделал выдающийся вклад в развитие химии нефти в США. А ведь в Америку он попал, решив не возвращаться в СССР, когда ему было за шестьдесят. Много лет спустя мне довелось прикоснуться к хранившимся тогда в Чикаго личным вещам и документам Ипатьева, к его паспорту и рукописи его воспоминаний. А в конце прошлого века меня попросили написать его краткую биографию, так что знакомство с этими материалами мне пригодилось [Rabkin, 1995]. Мой научный руководитель, автор научной биографии Ипатьева, смог опубликовать книгу о выдающемся «невозвращенце» лишь в 1992 г. [Кузнецов, Максименко, 1992].

Три года читал я целыми днями по-английски и, чтобы не потерять навыки родного языка, перед сном погружался в прозу Бунина или Паустовского. Машинистка, печатавшая мою диссертацию, сделала мне потом комплимент, заметив, что ей было интересно ее читать. Несколько ненаучную легкость стиля заметили и коллеги в институте, приписав ее — не без осуждения — влиянию американских источников. Каковы бы ни были ее истоки, эту стилистическую особенность я стараюсь не терять во всех своих трудах, хотя пишу я в основном по-английски и по-французски.

Что же касается надежды на поездку в США во время работы над диссертацией, она обернулась несбыточной мечтой. Несмотря на запрос моего научного руководителя — и к тому же парторга института — меня не пустили даже на семинар по истории американской экономики в московский Институт США и Канады, т. е. в одну из структур той же самой АН СССР, в которую входил и наш ИИЕТ. Помните, когда я поделился с Владимиром Ивановичем своим разочарованием, он заметил, что потеря невелика. В Институте США, добавил он, сотрудникам вообще трудно писать: они всё норовят держать ручку как пистолет, и он показал это мне на пальцах. Действительно, тогда в этом сравнительно новом институте работало немало бывших разведчиков.

По мере того как я продолжал работать над диссертацией, я продолжал лелеять мысль об отъезде за границу. Осуществил я ее в 1973 г. Приехав весной 1973 г. в Москву, я зашел попрощаться в институт, где провел три увлекательных и важных для всей оставшейся жизни года. Выбрал я для прощания не только один из присутственных дней, но и день получки, так что все коллеги были в сборе. Институт располагался тогда в Старопанском переулке, в стратегическом месте, на полпути от Кремля к Старой площади, где трудился ЦК КПСС. Институт состоял из одного изогнутого в букву «П» коридора, вдоль которого передвигались или беседовали стоя научные сотрудники. Собственно работой занимался в стенах института в основном административный персонал, а исследовательская работа протекала в библиотеках и домашних кабинетах. Впрочем, интеллектуальные беседы тоже часть — и немаловажная — научной деятельности, и когда на кафедре истории в Монреале мне их стало не хватать, я не раз вспоминал свои аспирантские годы.

В институте меня встретили тепло, стали расспрашивать о планах на будущее, а некоторые и о процессе подачи документов на отъезд. Старшие коллеги тоже по-

желали мне успеха, а один из них, историк химии Георгий Владимирович Быков, громогласно с другого конца коридора сказал: «Ясно, что вы поступаете правильно, но надо подумать, чем вы там будете заниматься». И пригласил меня к себе домой, где за водкой и обильной закуской мы допоздна обсуждали научные планы. Мой научный руководитель В.И. Кузнецов был менее экспансивным. Он по-человечески пожалел, что уезжаю, а как парторг еще и поблагодарил меня за то, что я не подвел его. Ведь он предлагал мне в последний год аспирантуры вступить в партию с тем, чтобы, как он выразился, «нейтрализовать пятый пункт», т. е. мое еврейское происхождение. Я под всякими предлогами от этого отказывался (мой беспартийный папа, кстати, был категорически против) и тем не подвел Владимира Ивановича под монастырь. Его я повстречал снова в Москве уже в 1990-е гг. Г.В. Быков к тому времени скончался.

Н.А. Ащеулова: Яков Миронович, буквально за два года до этого (в 1971 г.) Институт истории естествознания и техники АН СССР являлся организатором XIII Международного конгресса по истории науки. Вы активно участвовали в работе организационного комитета. Расскажите поподробнее, кто вас пригласил, как проходила работа оргкомитета.

Я.М. Рабкин: С осени 1970 г. дирекция ИИЕТ довольно часто отвлекала меня от работы над диссертацией просьбами помочь вести переписку с зарубежными учеными. Институту была поручена организация международного конгресса по истории науки, и мое знание языков послужило большим подспорьем для оргкомитета. Помогал я с удовольствием и интересом: для меня это было прекрасной возможностью познакомиться с видными историками науки и науковедения. Моя научная работа вбирала в себя как раз элементы обеих дисциплин. Поэтому многих ученых я уже знал по их статьям и книгам.

Особенно интересовали меня исследования Дерека де Солла Прайса из Йельского университета в США, и я надеялся познакомиться с ним лично. Однако говорить об этом напрямую в советских условиях было небезопасно: это могло принести больше вреда, чем пользы (или, как теперь говорят, было контрпродуктивно). По мере того как приближался день открытия конгресса, у меня прибавлялось работы по переписке, но при этом я не раз просил членов оргкомитета, в том числе и директора института, во время самого конгресса оставить меня в покое.

Эта тактика сработала удивительно хорошо. За два дня до открытия меня вызвал зам. директора Микулинский и попросил сопровождать проф. Прайса, крупного ученого и активного участника разработки научной политики США. Его книга «Малая наука, большая наука» была уже хорошо известна в СССР. Он не раз участвовал в слушаниях комиссий американского Конгресса, и ему полагалось сопровождающее лицо, знакомое с его деятельностью. Поэтому выбор пал на меня. Однако, по-видимому, учитывая мою беспартийность и «неправильную» национальность, ко мне приставили «переводчика», в функции которого, как я понял, входила в основном слежка. Английский он знал хуже меня, что делало его основную функцию очевидной и для Прайса. Неудивительно, что лекцию Прайса в здании Московского университета на Ленинских горах переводил я, а не мой «коллега».

Прайс был человеком общительным и представил меня своим друзьям из разных стран. Среди них оказались канадцы (историк биологии Камиль Лимож и Брижит Шрёдер, специалист по международным связям в науке), а также французы: Жан-Жак Саломон, автор фундаментального труда о науке и политике и глава отдела в

Организации экономического сотрудничества и развития в Париже, его жена Клер и их друг Рошди Рашед. Клер тогда работала над историей биологии во Франции, а Рошди уже был известен как историк математики, впоследствии внесший серьезный вклад в изучение арабской средневековой науки.

Все мы говорили по-французски, что сразу создало обстановку соучастия и даже общности. Я им показывал Москву, а поскольку вокруг никого из советских не было («переводчик» по-французски не понимал и с нами не ходил), я откровенно им признался, что решил уехать из СССР, но не знал, как это сделать. Прайсу же я открылся во время прогулки вдоль Москвы-реки, на которую мы вышли вдвоем якобы для того, чтобы купить марки. Он справедливо рассчитал, что наш «переводчик» не откажет себе в возможности остаться в номере и просмотреть его бумаги и книги.

Мое признание гости не забыли, и когда я, закончив диссертацию, покинул, наконец, пределы Советского Союза, завязанные в Москве контакты помогли мне быстрее сориентироваться в западном научном мире. Спустя всего несколько месяцев после отъезда, работая в Иерусалиме советником по трудоустройству ученых-иммигрантов, я получил два приглашения на работу по специальности — из США и Канады.

Возвращаясь, собственно, к конгрессу, который состоялся летом 1971 г., хочу отметить заседания международного совета по изучению научной политики (International council for science policy studies). Я участвовал в его работе как референт-переводчик, но нередко именно мне из-за моего многоязычия приходилось практически председательствовать. Отношение к советским ученым и к СССР было уважительным и открытым. За год до историков науки в Москву на международный конгресс собралось со всего мира более трех тысяч историков. Марксизм продолжал считаться плодотворным методом познания не только общества, но и природы, причем такое отношение проявляли и ученые, политически далекие от идей социализма. Царила благожелательная атмосфера, и не было ни малейших попыток политизировать сотрудничество или тем более кого-то поучать. Как известно, совет сыграл важную роль в развитии науковедения, выпустил ряд публикаций, способствовавших выработке общего концептуального языка.

Судя по беседам с западными коллегами, немалое впечатление произвел вступительный доклад Б.М. Кедрова. Он предложил многоплановую структуру знания, опираясь на несколько триад, и этот подход сочетал в себе историю и философию. Для советских гуманитариев, «бойцов идеологического фронта», справедливо ощущавших оторванность от остального мира, начало 1970-х гг. было временем мирового признания.

Н.А. Ащеулова: Яков Миронович, а как развивалась ваша профессиональная деятельность в Канаде?

Я.М. Рабкин: Спустя всего несколько месяцев после отъезда, работая тогда в Иерусалиме советником по трудоустройству ученых-иммигрантов, я получил два приглашения на работу по специальности — из США и Канады. Я выбрал Монреаль, привлекая меня тем, что это — большой космополитический город, где присутствуют английская, французская и многие другие культуры.

Когда в конце ноября 1973 г. я приземлился в монреальском аэропорту, все вокруг было уже покрыто снегом. Камиль Лимож, директор Института истории науки и науковедения Монреальского университета, и его коллега Брижит Шрёдер ра-

душно встретили меня и тут же отвезли в университет, где на одном из этажей корпуса гуманитарных наук мне показали дверь с табличкой, на которой красовалась моя фамилия. В этом кабинете я проработал большую часть своей жизни. Покидая Советский Союз в мае того же года, как мне тогда казалось, навсегда, я хотел только одного — свободы читать и писать без политических ограничений, но не питал при этом особых надежд, что найду работу по моей довольно редкой специальности.

В институте, куда я попал на работу, были уроженцы Франции, Германии, Польши и США, а возглавлял его тогда единственный среди нас франкоканадец Камиль Лимож. Я отмечаю это обстоятельство, ибо провинция Квебек претерпевала в ту пору рост национального самосознания, а квебекские университеты быстро разрастались и набирали преподавателей по всему миру. Таким образом, эта долгое время находившаяся в относительной культурной изоляции провинция Канады открывалась миру и открывала мир. Мне довелось участвовать в обогащении интеллектуальной жизни Квебека, что, в свою очередь, расширило мои горизонты, предоставив на редкость привилегированное место на перекрестке научных влияний Европы и Северной Америки. Находясь примерно в часе езды от границы с США, я был в то же время окружен учеными, книгами и фильмами из Франции и других европейских стран. По радио нередко звучали знакомые мне песни Ива Монтана, Жильбера Беко и других, которых я видел и слышал в свое время на ленинградских сценах.

Несмотря на теплое отношение со стороны коллег, начинать работу было совсем не просто. Ведь я никогда в жизни не преподавал и даже не учился в западном университете, не знал, как он организован, не понимал принятые в нем негласные правила поведения. Ничуть не лучше я знал и общество, в которое попал, и только в университетской библиотеке ощущал себя вполне комфортно. Стоявшие на полках знакомые по Ленинской библиотеке и БАНу научные журналы оказывали мне молчаливую поддержку и даже вызывали ощущение уюта.

Коллеги вскоре объяснили мне, что такое грант и как на него подают заявки, и я решил продолжить начатое еще в диссертационной работе в Москве исследование по истории химии нефти в США. Однако чувствовал я себя неуверенно, ибо не знал, насколько моя работа в аспирантуре отвечала западным стандартам. Ведь в Москве я работал почти в одиночку. К счастью, я нашел в одной американской нефтяной компании русскоязычного специалиста по истории американской нефтехимии и, списавшись, послал ему свою диссертацию. Через несколько недель я получил от него благожелательный отзыв, который рассеял мои сомнения относительно качества проведенной в Москве работы. Заявку на грант я написал, ее послали, как положено, на экспертную оценку, и через несколько месяцев я получил свой первый грант.

Второе направление исследований возникло в сотрудничестве с Томасом Айзманом, социологом высшего образования из расположенного также в Монреале англоязычного университета Макгилл (мой университет — франкоязычный). Мы решили воспользоваться местными условиями и провести социологический анализ влияния языка преподавания на научную деятельность в области технических наук в двух научных учреждениях Монреала — Политехнической школе Монреальского университета и на инженерном факультете Университета Макгилл. Нам помогала дирекция обоих вузов, и эта работа, опубликованная в ряде статей [Eisemon, Rabkin, 1978, 1979, 1981], вызвала интересные дебаты, особенно во франкоязычной среде.

Затем мы распространили нашу проблематику на научные сообщества в африканских странах, где рассматривали влияние местной культуры на научную деятельность [Rabkin, 1979]. Тема взаимодействия культуры, науки и религии продолжает интересовать меня до сих пор, и время от времени я возвращаюсь к ней в своих статьях и в работе с аспирантами [Rabkin, 2002].

В то же время, живя и работая в провинции Квебек, на своего рода франкоязычном островке в англоязычном океане, я продолжал интересоваться ролью французского языка в потоках научной информации [Rabkin, 1980]. Меня приглашали выступать перед научной общественностью и узкими группами специалистов, в частности, представителями правительственных учреждений. Довелось даже сделать доклад на эту тему от имени квебекской делегации на международном симпозиуме «Какой язык использовать в науке?» (Quelle langue pour les sciences?) на конференции ЮНЕСКО в Париже.

Взаимодействие науки и культуры (в широком смысле этого слова) — одна из основных тем моих исследований. Отталкиваясь от опыта работы с монреальским материалом [Rabkin, 1984], я опубликовал ряд статей, в которых попытался обобщить некоторые наблюдения в этой области [Rabkin, 1986]. К середине 1980-х гг. меня заинтересовало влияние культурно-религиозных факторов на роль евреев в современной науке, что сблизило профессиональную деятельность с моим личным интересом к иудаизму и еврейской истории. В плане истории науки это привело к публикациям о взаимодействии еврейской и научной культуры [Rabkin, Robinson, 1995], а также, куда позже, к развернутой статье о науке на Ближнем Востоке [Rabkin, 2020]. В плане истории евреев также вышел целый ряд статей и даже три книги, две из которых переведены на русский язык [Rabkin, 2009, 2015]. Третья книга должна выйти по-французски в марте 2022 г.: Rabkin, Yakov M. *Juifs, musulmans et modernité*, Paris: Éditions Entrelacs / Hachette.

Нет ничего удивительного в том, что тема международных научных связей интересовала меня, ученого-эмигранта, многие годы. В частности, в рамках аспирантского семинара мы исследовали с помощью наукометрических и прочих методов эффект эмиграции на ориентацию научной деятельности ученых, влияние раздела СССР на науку в ставших независимыми республиках, а также роль бывших колониальных связей в научной жизни стран Африки и Азии. Эти работы подтвердили тот, казалось бы, парадоксальный факт, что наука обладает удивительной инерцией и что переориентировка ее как в государственных масштабах, так и в масштабах учреждений — дело весьма длительное. Более того, даже перевороты и революции влияют на ученых и научные организации куда меньше или, по крайней мере, куда медленнее, чем на другие виды творческой и профессиональной деятельности. Другими словами, создать Красную армию куда проще, чем создать «красную науку».

Занимаясь сравнительным анализом науки в разных странах, я обнаружил некие транснациональные особенности научной деятельности, развивающейся при усиленной поддержке государства. Так, наука в Канаде, Франции и СССР проявляет свойства, которые я определил как «фундаментализация». Прикладные исследования приобретают все более фундаментальный характер, критерии оценки научной деятельности перемещаются из сферы эффективности внедрения новых технологий в область публикации в научных журналах и подготовки диссертаций [Rabkin, 1986]. Эти соображения привлекли внимание специалистов по организации науки в ряде стран мира, куда меня впоследствии приглашали читать лекции и

вести семинары. Немалый интерес вызвали и работы о ситуации в науке в постсоветском пространстве [Rabkin, 1991], некоторые из которых [Rabkin, Mirskaya, 1993] мне довелось провести с Еленой Мирской, талантливым специалистом по социологии науки, с которой я был знаком в ИИЕТ еще с аспирантуры.

Сколь бы ни занимала меня научная деятельность, я не забывал, что во главе угла в университете стоит преподавание. Вначале мне дали несколько недель на подготовку курсов и семинаров, и в январе я начал вести семинар по наукометрии, а затем и курс по политике в области науки. Пришлось даже изобрести название *scientométrie*. Иногда наукометрией злоупотребляют при оценке научной работы отдельных ученых, ибо научное начальство зачастую прельщает возможность свести сложный вопрос о качестве того или иного ученого к сравнительно простому подсчету научных статей и их коэффициента цитируемости. На мой взгляд, наукометрия полезна при оценке научных учреждений и коллективов, но не отдельных ученых, чей наукометрический профиль сам по себе ни о чем не говорит. Один из бывших аспирантов в моем семинаре по наукометрии, Ив Жэнгра, посвятил потом целую книгу проблемам использования наукометрии, которую недавно перевели на русский [Жэнгра, 2018].

Преподавал я первое время только аспирантам, так что группы были небольшие, и это способствовало возникновению интересных дискуссий о прочитанных источниках, о сравнительной истории и социологии науки, а также о последних интеллектуальных веяниях, связанных с работами Мишеля Фуко и Юргена Хабермаса. В первые годы в Монреале на наш семинар приезжало немало известных мне только по книгам ученых со всего мира, таких как Томас Кун и, конечно, ставший мне наставником и другом Дерек Прайс. В то время как образование, полученное в Ленинграде и Москве, заложило прочный фундамент моей научной и педагогической деятельности, встречи эти сильно расширили мой кругозор. В Монреале лекции заезжих специалистов привлекали коллег из других университетов города, что позволило мне поближе познакомиться с интеллектуальной жизнью города, где расположено четыре крупных университета.

Вместе с тем меня еще долго не оставляла неуверенность. Перед началом занятий было иногда просто страшно, и этот страх прошел только тогда, когда я почувствовал, что в случае необходимости могу признаться перед аудиторией, что чего-то не знаю. Лекции я не читаю по бумажке и обычно пользуюсь лишь наброском плана, так что излагаю свои идеи всякий раз по-разному. Студенты говорили мне иногда, что на моих лекциях им особенно интересно следить за ходом мысли, которая развивается прямо у них на глазах.

Почти сразу я, к своему немалому удивлению, стал получать приглашения делать доклады в других университетах. Одна из первых — поездка в Торонтский университет, где после лекции меня спросили, почему советский Север — города, промышленность, дороги — более развит, чем канадский. Я ответил, что и в Канаде такого можно добиться, если канадцы заведут у себя ГУЛАГ. В Торонто я рассказывал о советской науке, изучение которой постепенно стало одним из моих основных исследовательских интересов.

Началось это, правда, еще по дороге в Канаду. Очутившись в Париже, где я ждал оформления иммиграционных документов в канадском консульстве, я получил заказ на статью о советском науковедении. Жан-Жак Саломон устроил мне этот заказ в основном ради гонорара, который мне выплатили авансом. С документами была

задержка, а мои денежные запасы быстро истощались. Статья эта [Rabkin, 1974] вышла, когда я уже был в Монреале, а аванс пришелся очень кстати в Париже. Вскоре я получил письмо от известного социолога Эдварда Шилза, под руководством которого издавался журнал по науковедению под названием «Минерва». Шилз предложил мне перевести на английский мою статью из французского журнала, но переводить самого себя мне было неинтересно, и я выразил готовность написать новую статью на ту же тему. Он с радостью согласился, и таким образом у меня стали появляться публикации о советском науковедении и истории советской науки [Rabkin, 1976]. Интерес к советским работам в этой области знания был довольно живым, и меня не раз приглашали выступать на эту тему в Европе и С. Америке. Более того, тот факт, что я выпускник аспирантуры ИИЕТ АН СССР, обычно вызывал уважение и открывал двери. Впрочем, сообщество историков науки и науковедов, занимавшееся в 1970–1990 гг. советской и постсоветской наукой, отличалось исключительным дружелюбием и взаимной поддержкой. Полагаю, тон в этом задавал наш старший коллега Лорен Грэхэм.

Н.А. Ащеулова: В этом году в Санкт-Петербурге мы проводим 36-ю сессию Международной школы социологии науки и техники им. С.А. Кугеля, посвященную 90-летию участия советской делегации во II Международном конгрессе в Лондоне в 1931 г. Какие ваши оценки, значение этого события?

Я.М. Рабкин: Действительно, первыми прибегли к последовательно материалистическому изучению науки советские ученые в 1920–1930-х гг. Ничего подобного в других странах не делалось. Поэтому их доклады на Втором международном конгрессе в Лондоне в 1931 г. произвели такую сенсацию, тем более что советскую делегацию возглавлял Николай Бухарин, что указывало на значение, которое уделяли в СССР науке и ее истории. Целый ряд английских и американских историков вдохновился таким подходом советских ученых, в частности, работой Бориса Гессена о социально-экономических корнях механики Ньютона [Гессен, 1933; Graham, 1985, 1993].

В научной жизни встречаются довольно неожиданные и даже парадоксальные повороты. Идеи пересекают границы, приживаются на новом месте, а спустя много лет, когда они возвращаются в места своего зарождения, их уже воспринимают как иноземные. Примерно так произошло с науковедением.

Как известно, не только Бухарин, но и многие из его подопечных науковедов и историков науки в 1930-е гг. были репрессированы. Вышло так, что у себя на родине эта интеллектуальная традиция, едва сложившись, была практически сразу же уничтожена, и идеи науковедения и наукометрии вернулись туда лишь в ходе хрущевской оттепели, когда на русский язык были переведены работы Дерека Прайса, а затем Томаса Куна [Кун, 1975] и ряда других западных ученых. Таким образом, науковедение и социология науки возникли в Советском Союзе под влиянием западных источников, тем более что имена многих отечественных репрессированных ученых все еще нельзя было упоминать. Особенно активно развивалась в СССР наукометрия, в рамках которой подчас высказывались весьма крамольные мысли о советской науке и даже о советском обществе в целом [Налимов, Мультенко, 1969].

Но именно в СССР было положено начало развитию социологии науки на Западе. Социолог Питирим Сорокин, высланный в 1922 г. с другими представителями российской интеллигенции за пределы Советского Союза, вдохновил в Нью-Йорке молодого аспиранта Меира Школьника на изучение религиозных факторов разви-

тия английской науки [Merton, 1970]. Последний, переименовав еврейскую фамилию на более благозвучную в тогдашнем американском обществе — Роберт Мертон, — стал одним из столпов социологии науки. Много лет спустя, в середине 1980-х гг., мне довелось посетить его квартиру на Вест-сайте Манхэттена, где он жил со своей супругой Харриет Цукерман, также специалисткой по социологии американской науки [Zuckerman, 1977]. Нью-йоркский издатель, заказавший мне книгу по истории советско-американских научных связей [Rabkin, 1988], приглашал меня время от времени на совещания в Нью-Йорк. Воспользовавшись одним из таких приездов, я и отправился обсудить свою работу с прославленной парой к тому времени весьма пожилых ученых. Это общение немало помогло мне в моей работе.

Н.А. Ащеулова: Яков Миронович, позвольте вам задать несколько вопросов — оценок современного состояния, тенденций в науке. Что изменилось в области истории науки в Канаде за последние десятилетия?

Я.М. Рабкин: Мне кажется, что повысился интерес к истории и социологии техники, к вопросам социальной и этической оценки новых технологий, в ущерб истории собственно науки и научной деятельности.

Н.А. Ащеулова: Что вы думаете о научных конференциях и конгрессах в современную эпоху, и особенно в нынешнее время, когда большинство научных мероприятий перенесено в онлайн?

Я.М. Рабкин: Проводить такого рода конгрессы стало, конечно, проще и дешевле. Но в онлайн не возникают неформальные связи, которые составляли едва ли не более важный результат научных мероприятий, чем собственно доклады и прения.

Н.А. Ащеулова: Вы много написали о роли международного сотрудничества в развитии науки. Как вы оцениваете современное состояние кооперации?

Я.М. Рабкин: Современные средства связи, безусловно, облегчают сотрудничество. Но подозрительность и политические препятствия, которые ставят в последние годы власти США, России и других стран, сильно его затрудняют.

Н.А. Ащеулова: Какие исследования вы проводите сейчас? Над какими новыми статьями и книгами работаете?

Я.М. Рабкин: Исследование, которым сейчас занимаюсь, к истории науки отношения не имеет. На него меня «сподобил» мой коллега из Оксфорда Яков Ядгар, прочитав мою книгу о современном Израиле. Речь идет о влиянии политической и общественной культуры прогрессивных и революционных кругов России 1870—1920 гг. на культуру сионистских колоний в Палестине и вышедшего из них государства. Другими словами, Израиль как диаспора России: ведь освоение сионистами Палестины — дело рук в значительной степени российских евреев. Я написал об этом в книге «Современный Израиль» несколько абзацев, а сейчас эту тему углубляю, расширяю и нахожу немало нового. Тем временем я заканчиваю книгу воспоминаний, часть которых вошла в наше интервью.

Н.А. Ащеулова: Что вы думаете по вопросу проведения конгресса по истории науки спустя столько лет снова в России?

Я.М. Рабкин: Прекрасная идея. Но надо учитывать, что отношение к России сегодня куда хуже, чем отношение к СССР полвека тому назад.

Н.А. Ащеулова: Спасибо, Яков Миронович!

Литература

- Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. М.; Л.: Гостехтеориздат, 1933. 79 с.
- Грэхэм Л.* Социально-политический контекст доклада Б.М. Гессена о Ньюtone // Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 2. С. 20–31.
- Жэнгра И.* Ошибки в оценке науки, или Как правильно использовать библиометрию. М.: Новое лит. обозрение, 2018. 177 с.
- Кузнецов В.И., Максименко А.М.* Владимир Николаевич Ипатьев: 1867–1952 / Отв. ред. О.М. Нефёдов. М.: Наука, 1992. 190 с. (Научно-биографическая серия).
- Кун Т.К.* Структура научных революций / Пер. с англ. И.З. Налетова. М.: Прогресс, 1975. 288 с.
- Налимов В.В., Мульченко З.М.* Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса. М.: Наука, 1969. 192 с.
- Рабкин Я.М.* Еврей против еврея. Иудейское сопротивление сионизму. М.: Текст, Книжники, 2009. 540 с.
- Рабкин Я.М.* Современный Израиль. От замысла к жизни. Киев: Саммит-книга, 2015. 304 с.
- Eisemon T.O., Rabkin Y.M.* Research as a Source of Differentiation in Academic Life // Canadian Journal of Education. 1981. Vol. 6. No. 2. P. 117–131.
- Graham L.R.* The Socio-Political Roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the History of Science // Social Studies of Science. 1985. Vol. 15. No. 4. P. 705–722.
- Merton R.K.* Science, Technology & Society in Seventeenth Century England. New York: H. Fertig, 1970. 311 p.
- Rabkin Y.M.* Origines et développements de la recherche sur la recherche en Union Soviétique // Le progrès scientifique. 1974. No. 170 (mai — juin). P. 39–51.
- Rabkin Y.M.* Naukovedenie: the Study of Scientific Research in the Soviet Union // Minerva. 1976. Vol. 14. No. 1. P. 61–78.
- Rabkin Y.M.* Trends and Forces in the Soviet History of Chemistry // Isis. 1976. Vol. 67. No. 237. P. 257–273.
- Rabkin Y.M., Eisemon T.O.* Multiple Professional Roles of the Academic // Comparative Perspectives on the Academic Profession. New York: Praeger, 1978. P. 114–124.
- Rabkin Y.M., Eisemon T.O.* Spécificités nationales de la science et de la technologie // Recherches sociographiques. 1979. Vol. XX. No. 1. P. 87–101.
- Rabkin Y.M. et al.* Citation Visibility of Africa's Science // Social Studies of Science. 1979. Vol. 9. No. 4. P. 499–506.
- Rabkin Y.M.* Quelques aspects scientométriques de la documentation scientifique // Argus. 1980. Vol. 9. No. 5. P. 165–168.
- Rabkin Ya. M.* La science au Québec: une revendication pas comme les autres // La Recherche. 1980. No. 114 (Septembre). P. 1004–1006.
- Rabkin Y.M.* Transnational Invariables in Science Policy // Canadian Public Administration. 1981. May. P. 18–43.
- Rabkin Y.M., Lévi-Lloyd A.* Technology and Two Cultures: A Hundred Years of Engineering Education in Montreal // Minerva. 1984. Vol. 22. No. 4. P. 67–95.
- Rabkin Y.M.* On the Emergence of Scientific Cultures // Social Science Information. 1986. Vol. 25. No. 4. P. 967–988.
- Rabkin Y.M.* Science Between the Superpowers. New York: Priority Press, 1988. 125 p.
- Rabkin Y.M.* Scientific and Political Freedoms // Technology in Society (Special Issue on the Soviet Union). 1991. Vol. 13. P. 53–68.
- Rabkin Y.M.* Conceptual Issues in the History of Science in Non-Western Societies // Transfer of Modern Science & Technology to the Muslim World. Istanbul: IRCICA, Organization of the Islamic Conference, 1992. P. 59–66.

Rabkin Y.M., Mirskaya E.Z. Les cultures scientifiques post-soviétiques // *Alliages*. Nice. 1993. No. 16–17. P. 134–140.

Rabkin Y.M. Interface multiple. *Scienza contemporanea ed esperienza ebraica // Cultura ebraica e cultura scientifica*. Roma: Editori Riuniti, 1994. P. 3–27.

Rabkin Y.M. V.N. Ipatieff // *American National Biography*. New York: Oxford University Press, 1995.

Rabkin Y.M., Robinson I. (eds.). *Interaction of Scientific and Jewish Cultures in Modern Times*. New York: Edwin Mellen Press, 1995. 265 p.

Rabkin Y.M. Cultures of Technological Innovation in Russia // *Science and Innovation as Strategic Tools for Industrial and Economic Growth* / Ed. C. Corsi. Dordrecht, Kluwer, 1996. P. 35–50.

Rabkin Y.M. (ed.). *Diffusion of New Technologies in Post-Communist World*. Dordrecht: Kluwer, 1997. 177 p.

Rabkin Y.M. Sciences en Russie: entre ciel et terre // *L'Europe des sciences: constitution d'un espace scientifique*. Paris: Seuil, 2001. P. 215–262.

Rabkin Y.M. et al. Judaïsme et islam face aux défis technologiques // *Possibles (Montréal)*. 2002. Vol. 26. No. 3 (May). P. 83–94.

Rabkin Y.M., Mirskaya E.Z. Science and Totalitarianism: Lessons for the Twenty-first Century // *Science and Ideology* / Ed. M. Walker. London; New York: Routledge, 2003. P. 17–34.

Rabkin Y.M., Mirskaya E.Z. Russian Academic Scientists in the First Post-Soviet Decade: Empirical Study // *Science and Public Policy*. 2004. Vol. 31. No. 1, February. P. 2–14.

Rabkin Y.M. American Jews and Physical Sciences // *Encyclopedia of American Jewish History*. ABC-Clío; Santa Barbara, CA, 2007. P. 739–774.

Rabkin Y.M. Etica fondata sulla scienza: un fenomeno occidentale // *Nuntium*. 2008. No. 35–36. P. 187–191.

Rabkin Y.M. Science in the Middle East // *The Cambridge History of Science* / Ed. R. Numbers. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. P. 423–454.

Zuckerman H. Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States. New York: The Free Press, 1977. 335 p.

Interview:

To the 50th Anniversary of the XIII International Congress on History of Science in Moscow (18–24 August, 1971)

YAKOV M. RABKIN

University of Montreal,
Montreal, Canada;
e-mail: yakov.rabkin@umontreal.ca

NADIA A. ASHEULOVA

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology
of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: asheulova_n@bk.ru

The famous historian Yakov M. Rabkin, interviewed by *Nadia A. Asheulova*, answered a number of questions on his life, academic career, previous and current researches. The interview also highlights the history of the XIIIth International Congress on History of Science in Moscow (18–24 August, 1971) and is devoted to the 90th anniversary of the S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences.

Keywords: history and sociology of science and technology, history of the USSR, XIII International Congress on History of Science, S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, International Union of History and Philosophy of Science and Technology.

References

- Eisemon, T.O., Rabkin, Y.M. (1981). Research as a Source of Differentiation in Academic Life, *Canadian Journal of Education*, 6 (2), 117–131.
- Gessen, B.M. (1933). *Sotsial'no-ekonomicheskiye korni mekhaniki N'yutona* [Socio-economic roots of Newton's mechanics], Moskva; Leningrad: Gostekhizdat (in Russian).
- Gingras, Y. (2018). *Oshibki v nauke, ili Kak pravil'no ispol'zovat' bibliometriyu* [Mistakes in science, or How to use bibliometry], Moskva: NLO (in Russian).
- Graham, L.R. (1985). The Socio-Political Roots of Boris Hessen: Soviet Marxism and the History of Science, *Social Studies of Science*, 15 (4), 705–722.
- Graham, L. (1993). Sotsial'no-politicheskiy kontekst doklada B.M. Gessena o N'yutone [Socio-political context of B.M. Gessen's report about Newton], *Voprosy istorii yestestvoznaniya i tekhniki*, no. 2, pp. 20–31 (in Russian).
- Kuznetsov, V.I., Maksimenko, A.M. (1992). *Vladimir Nikolayevich Ipat'yev: 1867–1952* [Vladimir Nikolayevich Ipatieff: 1867–1952], O.M. Nefedov (ed.), Moskva: Nauka (in Russian).
- Kun, T.K. (1975). *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [A structure of scientific revolutions], I.Z. Naletov (per. s angl.), Moskva: Progress (in Russian).
- Merton, R.K. (1970). *Science, Technology & Society in Seventeenth Century England*. New York: H. Fertig.
- Nalimov, V.V., Mul'chenko, Z.M. (1969). *Naukometriya. Izucheniye nauki kak informatsionnogo protsessa* [Scientometrics. A study of science as an informational process], Moskva: Nauka (in Russian).
- Rabkin, Y.M. (1974). Origines et développements de la recherche sur la recherche en Union soviétique, *Le Progrès scientifique*, no. 170 (mai — juin), pp. 39–51 (in French).
- Rabkin, Y.M. (1976). Naukovedenie: the Study of Scientific Research in the Soviet Union, *Minerva*, 14 (1), 61–78.
- Rabkin, Y.M. (1976). Trends and Forces in the Soviet History of Chemistry, *Isis*, 67 (237), 257–273.
- Rabkin, Y.M., Eisemon, T.O. (1978). Multiple Professional Roles of the Academic, in *Comparative Perspectives on the Academic Profession* (pp. 114–124), New York: Praeger.
- Rabkin, Y.M. et al. (1979). Citation Visibility of Africa's Science, *Social Studies of Science*, 9 (4), 499–506.
- Rabkin, Y.M., Eisemon, T.O. (1979). Spécificités nationales de la science et de la technologie, *Recherches sociographiques*, XX (1), 87–101 (in French).
- Rabkin, Y.M. (1980). La science au Québec: une revendication pas comme les autres, *La Recherche*, no. 114, Septembre, pp. 1004–1006 (in French).
- Rabkin, Y.M. (1980). Quelques aspects scientométriques de la documentation scientifique, *Argus*, 9 (5), pp. 165–168 (in French).

- Rabkin, Y.M. (1981). Transnational Invariables in Science Policy, *Canadian Public Administration*, May, 18–43.
- Rabkin, Y.M., Lévi-Lloyd, A. (1984). Technology and Two Cultures: A Hundred Years of Engineering Education in Montreal, *Minerva*, 22 (4), 67–95.
- Rabkin, Y.M. (1986). On the Emergence of Scientific Cultures, *Social Science Information*, 25 (4), 967–988.
- Rabkin, Y.M. (1988). *Science Between the Superpowers*. New York: Priority Press.
- Rabkin, Y.M. (1991). Scientific and Political Freedoms, *Technology in Society (Special Issue on the Soviet Union)*, vol. 13, pp. 53–68.
- Rabkin, Y.M. (1992). Conceptual Issues in the History of Science in Non-Western Societies, in *Transfer of Modern Science & Technology to the Muslim World* (pp. 59–66), Istanbul: IRCICA, Organization of the Islamic Conference.
- Rabkin, Y.M., Mirskaya, E.Z. (1993). Les cultures scientifiques post-soviétiques, *Alliages*, Nice, no. 16–17, pp. 134–140.
- Rabkin, Y.M. (1994). Interface multiple. Scienza contemporanea ed esperienza ebraica, in *Cultura ebraica e cultura scientifica* (pp. 3–27), Roma, Editori Riuniti (in Italian).
- Rabkin, Y.M. (1995). V.N. Ipatieff, in *American National Biography*, New York: Oxford University Press.
- Rabkin, Y.M., Robinson, I. (Eds.) (1995). *Interaction of Scientific and Jewish Cultures in Modern Times*, New York: Edwin Mellen Press.
- Rabkin, Y.M. (1996). Cultures of Technological Innovation in Russia, in C. Corsi (Ed.), *Science and Innovation as Strategic Tools for Industrial and Economic Growth* (pp. 35–50), Dordrecht, Kluwer.
- Rabkin, Y.M. (Ed.) (1997). *Diffusion of New Technologies in Post-Communist World*, Dordrecht: Kluwer.
- Rabkin, Y.M. (2001). Sciences en Russie: entre ciel et terre, in *L'Europe des sciences: constitution d'un espace scientifique* (pp. 215–262), Paris: Seuil (in French).
- Rabkin, Y.M. et. al. (2002). Judaïsme et islam face aux défis technologiques, *Possibles (Montréal)*, 26 (3), May, 83–94 (in French).
- Rabkin, Y.M., Mirskaya, E.Z. (2003). Science and Totalitarianism: Lessons for the Twenty-first Century, in M. Walker (ed.), *Science and Ideology* (pp. 17–34), London, New York: Routledge.
- Rabkin, Y.M., Mirskaya, E.Z. (2004). Russian Academic Scientists in the First Post-Soviet Decade: Empirical Study, *Science and Public Policy*, 31 (1), February, 2–14.
- Rabkin, Y.M. (2007). American Jews and Physical Sciences, in *Encyclopedia of American Jewish History*. (pp. 739–774), ABC-CLIO, Santa Barbara, CA.
- Rabkin, Y.M. (2008). Etica fondata sulla scienza: un fenomeno occidentale, *Nuntium*, no. 35–36, pp. 187–191 (in Italian).
- Rabkin, Y.M. (2009). *Yevrey protiv iudeya. Iudeyskoye soprotyvleniye sionizmu* [A Jew against a Hebrew. Judaic resistance to Zionism], Moskva: Tekst, Knizhniki (in Russian).
- Rabkin, Y.M. (2015). *Sovremennyy Izrail'. Ot zamysla k zhizni* [Modern Izrael. From Concept to Life], Kiev: Sammit-kniga (in Russian).
- Rabkin, Yakov M. (2020). Science in the Middle East, in Ronald Numbers (ed.), *The Cambridge History of Science* (pp. 423–454), Cambridge: Cambridge University Press.
- Zuckerman, H. (1977). *Scientific Elite: Nobel Laureates in the United States*. New York, The Free Press.